
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ

ИНКЛЮЗИВНОСТЬ, ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ И «МЫ»

Из заметок о поэзии грамматики

И тогда... «полтора жида» поднял крик на всю Одессу:
— Где начинается полиция... и где кончается Бенья?
— Полиция кончается там, где начинается Бенья, — отвечали разумные люди...

Исаак Бабель, «Как это делалось в Одессе»¹

1. Основатель поэзии грамматики Роман Якобсон подчеркивал особую роль в ней личных местоимений². По словарному смыслу они предельно абстрактны, универсальны, способны, подобно джокерам, заменять любых потенциальных пользователей («я» — всякий, кто говорит *я*³), но предстают совершенно конкретными, в высшей степени личными, как только пускаются говорящими в ход.

А где личность (и прежде всего «я»), там эгоцентризм, проблема идентичности, силовые взаимоотношения с Другими (с «ты», «мы», «вы», «они»), территориальные тяжбы. Можно сказать, что самим термином «местоимение» ставится вопрос о том, сколько места имеет обозначенная им личность.

С одной стороны, характерно всяческое яканье, самовозвеличение, нарушение границ. В высоком варианте — по образцу: *Государство — это я; Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон* (Брюсов), а в комическом — а ля Ноздрев:

— Теперь я поведу тебя посмотреть... границу, где оканчивается **моя** земля... Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это **мое**, и даже по ту сторону, весь этот лес... и все, что за лесом, все **мое**⁴.

Жолковский Александр Константинович родился в 1937 году в Москве. Окончил филфак МГУ, кандидат филологических наук. Филолог, прозаик. Автор трех десятков книг и четырех сотен статей по литературоведению и нескольких сборников мемуарных виньеток. Среди последних книг — «Русская инфинитивная поэзия XVIII — XX веков» (М., 2020) и «Все свои. 60 виньеток и 2 рассказа» (М., 2020). Постоянный автор «Нового мира». Живет в Калифорнии и Москве. Вебсайт <<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky>>.

За обсуждение, замечания и подсказки автор благодарен Михаилу Безродному, Е. В. Капинос, В. А. Мильчиной, Ладе Пановой, И. А. Пильшикову, Б. А. Успенскому.

¹ Бабель: 202.

² Якобсон: 469 — 472.

³ Подробнее см.: Успенский: 15 — 33.

⁴ Гоголь: 71 — 72.

Ноздрев доводит до абсурда стремление к максимальной — и часто сугубо вербальной — экспансии «я» в области владения собственностью, ядовито отмеченное Холстомером:

<Л>юди руководятся в жизни не делами, а словами. Они любят не столько возможность делать... что-нибудь, сколько возможность говорить... условленные между ними слова. Таковые... суть слова: **мой, моя, мое**, которые они говорят про различные вещи, существа и предметы... Про одну и ту же вещь они условливаются, чтобы только один говорил — **мое**. И тот, кто про наибольшее число вещей по этой условленной между ними игре говорит **мое**, тот считается у них счастливейшим⁵.

С другой стороны, действует трезвая постановка «я» на место: репрессивная — одергивающая «я» извне, типа: *Я — последняя буква в алфавите* и *Без меня меня женили* (с бессильным протестом «я» против нарушения границ его личности), или оборонительная — идущая изнутри: *Я не я, и лошадь не моя; Моя хата с краю* и т. п.

Сигнатурное стихотворение Ходасевича «Перед зеркалом» посвящено рефлексии о смысле слова я и о собственной идентичности: *Я, я, я. Что за дикое слово!* Это первая строка, а во второй появляются и сомнения относительно соотношения «я» с «он»: *Неужели вон тот — это я?*

Ходасевичу вторит Лимонов — и в проблематизации идентичности: *Это я или не я? Жизнь идет — моя?* («Ветер. Белые цветы. Чувство тошноты...»), и во взгляде на свое «я» со стороны: *Зато я никому не должен / никто поутру не кричит / <...> / зайдет ли кто — а я лежит* («Я был веселая в фигура...»), где аграмматичная последняя строчка получается из наложения двух грамматически правильных; **а я лежу + [пришедший видит, что] некто лежит*.

Впрочем, этот взгляд — «Я — это я или некий он?» — не так уж нов, ср. пушкинское *Я ей не он*, которым лирическое «я» с сожалением завершает стихотворение под местоименным заглавием «Она»⁶.

Выход «я» за свои границы может быть и не экспансионистским, а, напротив, альтруистичным, как, например, в лозунге *Je sui Charlie Hebdo*, давшем языковой формат провозглашению гражданской солидарности «я» с другими людьми и явлениями (и, по-видимому, восходящем к исторической фразе президента США Кеннеди *Я — берлинец!*).

Комический вариант экспансии «я» — в песне Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира», перволичный герой которой зачитывает по бумажке речь, написанную не для него:

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я, и не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

«Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая,
Все счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!»⁷

⁵ Толстой: 382; этот пассаж восходит к «Рассуждению о происхождении неравенства» Руссо (1755).

⁶ См. об этом: Жолковский 2010: 175 — 176.

⁷ <http://rulibs.com/ru_zar/poetry/galich/0/j300.html>.

Высказывание прямо противоречит дейктическому смыслу *я*, и получается троп — оксюморон: «*я-мужчина = женщина-мать*».

Вообще, нарушение границ естественно предрасполагает к переносности, то есть тропогенности, и отсюда столь важная роль местоимений в поэтическом языке — сфере изощренных силовых взаимодействий.

2. Так в общих чертах обстоит дело с «*я*», но далее речь пойдет в основном не о «*я*», а о «*мы*» — местоимении тоже 1-го лица, но множественного числа, в состав которого входит и «*я*». В общем случае «*мы*» = «*я*» (говорящий) + «кто-то еще». Впрочем, кто именно еще входит или не входит в «*мы*» и даже всегда ли туда входит «*я*» — существенные территориальные вопросы, возникающие в связи с «*мы*».

Динамика силового поля вокруг «*я/мы*» определяется двумя взаимно противоположными базовыми желаниями: с одной стороны, отстаивать свою отдельность/идентичность от чужих посягательств, с другой — принадлежать к мощному межличностному сообществу, а то и подчинять его себе.

«Кем-то еще» могут быть:

(1) какие-то дополнительные со-говорящие, от имени которых употребляется «*мы*», плюс собеседник(и), то есть адресат(ы) речи («*ты/вы*»), но не «он/она/они» (некие подразумеваемые не-участники акта речевого общения), или

(2) какие-то дополнительные со-говорящие, но за исключением не только 3-х лиц («*их*»), но и адресат(а/ов), выступающ(его/их) во 2-м л. («*ты/вы*»).

Первый тип «*мы*», включающий собеседник(а/ов), называется инклюзивным, второй, собеседник(а/ов) исключаящий, — эксклюзивным.

Заметим, что исключение 3-х лиц («*их*») происходит в обоих случаях. «Включение/исключение» — типовая властная игра, сопровождающая употребление «*мы*».

Одним из приемов в этой игре является употребление всякого рода отрицательных конструкций, поскольку речь, как правило, идет именно о «не-включении» тех или иных претендентов на участие в речевом акте. Как мы увидим, в простейших случаях эти отрицания вторят исходной словарной установке «*мы*» на «(не-)включение», а в более интересных вступают с ней в конфликт/контрапункт.

Другой частый прием — смена точки зрения (как в *Я ей не он*), иногда обостряемая до полемики, в которой не просто меняются местами говорящие, но и обыгрывается — обнажается, подрывается — референтная привязка употребляемых ими местоимений.

А иногда противопоставление «инклюзивность/эксклюзивность», наоборот, смазывается, нейтрализуется. Это случаи, когда одно и то же высказывание в 1-м л. мн. ч. может быть обращено как исключительно к «своим» — и тогда *мы* звучит инклюзивно (говорит «нам» о «нас» же), так и к любым потенциальным адресатам — и тогда *мы* звучит эксклюзивно (= сообщает «им» о «нас»).

3. Бегло рассмотрим несколько наглядных случаев. Начнем с эксклюзивных «*мы*».

Было ваше, стало наше — эксплицитное противопоставление; агрессивное самоутверждение «*мы*» и отрицание прав «*вы*», подчеркнутое фонетически минимальной контрастной парой: *ваше/наше*.

Мы — умы, а Вы — увы (Н. Глазков) — аналогичное противопоставление «*мы*» и «*вы*» и самовосхваление «*мы*», вдвойне усиленное каламбурным отрицанием: *у-мы/у-вы*.

Где нам, дуракам, чай пить — противопоставление «нас» имплицитным «вам»; напускное самоуничижение «*мы*», усиленное иронической гиперболой: якобы «*мы*» неспособны на простейшее: питье чая.

За вашу и нашу свободу — эксплицитное противопоставление «*мы*» и «*вы*»; эксплицитное же примирение их интересов: отчетливо эксклюзивное в этом

контексте значение притяжательного *наша* преодолевается смыслом высказывания — программно инклюзивным, объединяющим «наше» и «ваше».

Перейдем к «мы» инклюзивным.

Он — наш человек; Наших бьют — имплицитное противопоставление «чужим», обращенное к «своим» (= *нашим*).

А сходные и тоже готовые обороты *Наше дело правое, мы победим!* и *Знай наших!* могут прочитываться как инклюзивно — если они обращены только к «своим», так и эксклюзивно — если обращены в том числе и к «чужим».

Инклюзивное «мы», на первый взгляд, вполне доброжелательно и безобидно, и отказ от него как от тесной человеческой близости — тяжелая потеря, ср. популярную формулу: *Ведь больше нет никакого «мы»*. Но и инклюзивность чревата проблемами с нарушением личностных границ.

Начать с того, что в пределах такого «мы» возможны дальнейшие градации близости: вспомним знаменитое «Зачем мы перешли на ты?» Агнешки Осецкой / Булата Окуджавы. Лирическое «я» обращается к близкому человеку (другу, подруге, возлюбленной...) на инклюзивное «мы», но о переходе с ним/ней на слишком интимное «ты» сожалеет⁸.

Естественный следующий шаг в отстаивании личностных границ — отказ от инклюзивного «мы», типа: *Ты мне свое «мы» не навязывай; Вы за меня, пожалуйста, не мыкайте* и т. п.

Подобные протестные высказывания отрицают законность территориальных притязаний, прикрываемых употреблением «мы», и тем самым обнажают его метафоричность: за «мы» выдается что-то, что им не является. Таково, например, известное демагогическое разоблачение статистики:

Если **я** съем одну за другой две булочки с маком, а **Вы**, глядя на **меня**, будете глотать слюнки, то статистика скажет, что на **нас** пришлось в среднем по булочке.

4. Займемся анализом особо интересных случаев и первым рассмотрим старый советский анекдот:

Зайчик проголодался, заходит в столовую, заказывает морковку. Ему отвечают, что морковки нет, он говорит, как же, вон же сидит Суслик, ест морковку. Ему отвечают, ну, Суслик — это же наш повар. Зайчик заказывает капустку — капустки нет — вон Белочка ест капустку — а-а, Белочка наш бухгалтер. Зайчик просит еще что-то — этого тоже нет — а вон Лиса ест это самое — ну, Лиса наш директор... Зайчик, жалобно: А что же буду есть **я?** — А **кто у нас не работает, тот не ест!**

Комизм достигается перестановкой всего пары слов: вместо ожидаемого коммунистического: «У нас (то есть в Советском Союзе) кто не работает, тот не ест» говорится: «Кто у нас (т. е. в нашей столовой) не работает, тот не ест»⁹.

Перестановка, действительно, небольшая, почти незаметная, но семантически очень важная. В первом, стандартном варианте местоимение *нас* (= *мы*) — инклюзивное, включающее, наряду с говорящим (и, возможно, кем-то еще), его собеседника, в данном случае Зайчика, а по смыслу лозунга (с его почтенной евангельской родословной) — и вообще всех граждан, в частности

⁸ Подробнее см.: Жолковский 2010: 176 — 177. Ср. варьирование подобных тем в анекдотах:

— женщина — однокласснику в ответ на его публичное приветствие: — *С каких это пор половая близость — повод для знакомства?*

— муж жене — партийной начальнице: — *Можно к Вам второй раз по тому же вопросу?*

— девушка в кинозале: — *Уберите руки! Да не вы, а вот вы!*

⁹ Об анекдотах на эту тему см. Мельниченко: 122 (это мотив № 231).

потенциальных посетителей столовой. Во втором же варианте, казалось бы, то же самое *нас* предстает эксклюзивным, включающим говорящего и других работников столовой, но исключая собеседника — Зайчика и любых «не наших» посетителей.

Заметим, что, как и во многих других примерах, критическая эксклюзивность местоимения поддержана подчеркнутой отрицательностью языковой конструкции, организующей весь сюжет: «Кто не... — тот не...» В подразумеваемом стандартном тексте эта конструкция звучит сравнительно невинно: исключению из числа едоков подвергаются лишь некие виртуальные бездельники, в анекдоте же исключается реальный герой, голодный Зайчик.

5. Интереснейший пример работы с эксклюзивностью/инклюзивностью «мы» являет один из подсюжетов чеховской «Душечки». Как все помнят, через первые, брачные эпизоды рассказа проходит оборот «мы с Ваничкой/Васичкой»:

...если бы **мы с Ваничкой** поставили какую-нибудь пошлость... театр был бы битком набит. Завтра **мы с Ваничкой** ставим «Орфея в аду», приходите. <...> Актеры любили ее и называли **«мы с Ваничкой»**... <...>

— И всё вы дома или в конторе <...> Вы бы сходили в театр <...> — **Нам с Васичкой** некогда по театрам ходить... <...> Дай бог всякому жить, как **мы с Васичкой**.

Этот оборот — своеобразное личное местоимение, излюбленное героиней, лишенной собственной идентичности: оно сплавляет ее с мужем в единое «мы», не оставляя места для сколько-нибудь отдельного «я»¹⁰. Выражаясь лингвистически, «мы» Душечки — отчетливо эксклюзивное, исключаящее собеседников, в качестве «кого-то еще» включающее ровно и только мужа и никак не акцентируя говорящее «я».

Чехов всюю скандирует это «местоимение» (5 вхождений), филигранно оттачивает его рефренность. Для двух несхожих имен *Иван* и *Василий* он формирует общий скелет *Ва'-н/с-ичка*, с разницей всего в одном согласном.

Третьего партнера Душечки тоже зовут на *В* — *Владимир* — и соответственно *Володичка*, но их партнерство не стопроцентно: это не брак, а незаконное сожителство. А главное, к нему оказывается неприменимым желанное Душечке «мы с Х-ом». Напротив, партнер дает отпор ее попыткам апроприации его профессиональных суждений и бросает ей в ответ ее любимое эксклюзивное местоимение, на этот раз включающее его и его коллег, ее же исключаящее:

Когда к **нему** приходили... его сослуживцы по полку, то **она**... начинала говорить о... о жемчужной болезни, о городских бойнях, а **он**... шипел сердито: — **Я** ведь просил **тебя** не говорить о том, чего **ты** не понимаешь! Когда **мы, ветеринары, говорим между собой**, то, пожалуйста, **не вмешивайся**¹¹.

6. Среди моих ранних виньеток есть озаглавленная «У нас в Бхилаи»¹²:

<...В> 1960-е годы секретаршей... в Лаборатории работала Т., молоденькая, но уже опытная, побывавшая за границей... Прямо из десятого класса она вышла замуж и уехала на строительство металлургического комбината в Индию. <...>

¹⁰ Оборот это обычный в русском языке, но все-таки идиоматичный — отсутствующий в большинстве европейских языков и потому неизбежно пропадающий в переводах. Английские переводчики вынуждены прибегать к конструкции «Vanichka and I», из которой торчит неуместное «я».

¹¹ Подробнее см.: Жолковский 2022: 349 — 351.

¹² Жолковский 2003: 150 — 151.

При всем том Т. сохраняла почти детскую наивность. Охотно делясь своим заграничным опытом, она начинала рассказ словами:

— А вот у **нас** в Бхилаи...

<...> Как страстных младолексикографов **нас** восхищало отсутствие в ее словаре абстрактных слов...

Мой текст был пронизан духом превосходства молодых интеллектуалов над простушкой Т. с ее наивно претенциозным эксклюзивным «мы», включавшим свойский коллектив советских строителей в Бхилаи, но не нас — ее невыездных слушателей.

Виньетка имела поучительное продолжение.

Недавно, занявшись семантическим ореолом пятистопного хорей, я наткнулся на стихотворение Тихонова «Земляки встречаются в Мадрасе»:

Далеко остались джунгли, пальмы, храмы,
Город-сад, зеленая река.
Вечером, примчав с Цейлона прямо,
Встретил **я** в Мадрасе земляка.

И земляк — натура боевая,
И беседа зыбилась легко —
Мне сказал: — Поедем к **нам** в Бхилаи, —
Это ведь совсем недалеко.

Все равно лететь **вам** до Нагпура,
Ну, а там с прохладцей, поутру,
Поездом — по холмикам по бурым,
И машиной — там подъем не крут.

Жизнь у **нас** в **Бхилаи** неплохая...
Право же, поехали б со **мною**...
— **Мне** же нужно в Дели, **не в Бхилаи**,
Я простился с южной стороной.

Был закат тропически прекрасен,
Думал **я**: «Просторы люблюя,
Мы уже встречаемся в Мадрасе,
По делам, как дома у **себя**».

Золотой закат покрылся чернью,
Вдруг и **я** поймал себя на том,
Что зашел в «Амбассадор» вечерний,
Как в давно уже знакомый **дом**.

Сказок край по-бытовому ожил,
Вплоть до звезд, до трепета травы,
Путь к нему по воздуху уложен
В шесть часов от Дели до Москвы.

Но сердец еще короче трасса,
Как стихи, приносим **мы с собой**
В пряный дух весеннего Мадраса
Запах роц, что над Москвой-рекой!¹³

Стихотворение помечено 1958 годом и, наверно, было популярно в советской колонии в Бхилаи, так что, скорее всего, Т. процитировала, сознательно

¹³ <<https://lit-ra.su/nikolay-tihonov>>.

или бессознательно, стихи знаменитого поэта. То есть возвысилась еще и по интертекстуальной линии: тогда — над нами, много о себе понимавшими мэнээсами, а затем, и на много лет вперед, — надо мной, ироничным, но, увы, плохо осведомленным автором мета-словесной виньетки. Любопытно, что в последующие десятилетия я перепечатывал этот текст несколько раз, и никто — ни друзья, ни враги — не указал мне на позорно упущенный первоисточник его заглавия. Но раз уж он обнаружился, присмотримся к нему и проследим за игрой местоимений 1-го и 2-го лица.

Лирическое «я» рассказывает о встрече в Индии с человеком тоже из СССР (*Встретил я в Мадрасе земляка*) — тот заговаривает с «я» (*мне скажи*) — и становится говорящим, со своим эксклюзивным «мы», не включающим лирическое «я», но не отталкивающим его, а приглашающим присоединиться (*Поедем к нам в Бхилаи*) — обращаясь к «я» на вежливое «вы» (= 2-е л. ед. ч.), то есть не включая его в свое эксклюзивное «мы» (*лететь вам... Жизнь у нас в Бхилаи*), но продолжая настаивать на соединении с ним (*Право же, поехали б со мной*), — лирическое «я» отклоняет это приглашение (*Мне же нужно в Дели, не в Бхилаи, Я простился с южной стороной*) — но, приехав к себе в Дели и проанализировав лингвистическую подоплеку слов собеседника (*у нас в Бхилаи*), осознает наконец и формулирует таившуюся в них глубинную общность (*Думал я... Мы... уже... в Мадрасе... как дома у себя*).

Возникающее в результате лирическое «мы» стихотворения оказывается инклюзивным уже по-новому: оно включает не только мадрасского собеседника «я», но и всех потенциальных советских адресатов его стихотворения (*Как стихи, приносим мы с собой В пряный дух весеннего Мадраса Запах рощ, что над Москвой-рекой!*). Этот эффект с самого начала готовился ключевой аттестацией *земляк* (тоже словом местоименного типа: *земляк* — уроженец той же страны, местности и т. п., что и лицо, упомянутое раньше) и серией исходивших от ее носителя приглашений. Перед нами имперскость/неоколониализм с искусно выписанным человеческим лицом — инклюзивным 1-м лицом мн. ч.

7. Экспансионизм естественно предрасполагает к комическому подрыву. Классический пример — ставшая proverbially реплика из басни И. И. Дмитриева «Муха» (1805)¹⁴ :

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? — мы пахали!»

От басни всегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! Мы решили!»

В *мы пахали!* местоимение 1 л. мн. ч. — формально эксклюзивное: свою сестру-собеседницу заглавная героиня в состав «мы» не включает. Главный фокус, однако, не в этом, а в том, что себя-то она в это «мы» включает — на том основании, что она сидела на рогах действительно работавшего быка. Основание сомнительное, но мотивирующее типовой метонимический ход: перенос по смежности — ложный и тем более яркий¹⁵.

¹⁴ Дмитриев: 126 — 127.

¹⁵ Заметим, что эта ложная причастность предстала бы формально инклюзивной, если бы басенный нарратив был построен немного иначе и муха обращалась бы за подтверждением своего вклада в пахоту к быку: *— Скажи ей, бык, не правда ль, мы пахали?

8. Бегло наметим еще несколько случаев употребления «мы», в буквальном смысле неадекватного и, значит, переносного, то есть поэтически значимого.

Начнем с упоминания так наз. королевского «мы» — лишь грамматически множественного, а семантически сугубо единственного числа. Никакого «кого-то еще» это «мы» не включает и не подразумевает — оно лишь чисто риторически умножает авторитетность монаршего «я». Ввиду редкости в современном контексте, это «умножение личности» впечатляет своей странностью, хотя, по сути, ничем не отличается от столь же фиктивной, но привычной и потому стертой арифметической операции, стоящей за употреблением 2-го л. мн. ч. «Вы» в роли вежливого обращения к единственному адресату¹⁶.

Но это крайности, где участие в формах якобы множественного числа «кого-то еще» чисто риторично, а фактически равно нулю. Чаше неадекватность «мы» состоит не в полном отсутствии одного из соучастников, а в том или ином силовом дисбалансе между ними — вспомним выдачу «я», реально съевшего две булочки, за «мы», якобы съевших в среднем по одной, и притязания мухи, якобы пахавшей наравне с быком.

Так, в случае «мы», которое можно назвать академическим, главную, если не единственную, роль играет авторское «я», а в качестве «кого-то еще» выступает неопределенная группа второстепенных лиц — потенциальных читателей, от имени которых подчеркнуто инклюзивно ведется речь. Ср.

В настоящей статье мы рассмотрим... Согласимся, что... Обратим внимание на... Заметим... И тогда мы неизбежно придем к выводу...

Тут «я» как бы незаметно, с молчаливого согласия «вы», апроприирует их волю и соучастие, и равнодействующей становится своего рода скромность паче гордости («Интеллектуальная заслуга не только моя, а целого коллектива»).

Что касается гордости, то иногда грань между академическим «мы» и «мы» королевским практически размывается — в том случае, когда автор текста последовательно сосредотачивается лишь на своих личных мнениях и поступках, не оставляя места для реального соучастия «кого-то еще». Ср. обнажение редукции «мы» до «я» у повествователя «Голубой книги» Зошенко (1945):

Вот уже пятнадцать лет **мы**, по мере своих сил, **пишем** смешные и забавные сочинения и своим смехом **веселим** многих граждан... Перелистав страницы истории, **мы** отыскивали весьма забавные факты и смешные сценки... Каковые сценки **мы** также предложим **вашему** вниманию...

То есть **я** (!) не **знаю**, может, **наш** (!) грубый солдатский ум, обстрелянный тяжелой артиллерией на двух войнах, не совсем так понимает тончайшие и нежнейшие поэтические сплетения строчек и чувств. Но **мы** осмеливаемся приблизительно так думать благодаря некоторому знанию жизни...¹⁷

Такое «мы», то есть особое риторическое «я», разумеется, уже не инклюзивно, а эксклюзивно (если применительно к 1-му л. ед. ч. вообще имеет смысл говорить об инклюзивности/эксклюзивности).

9. Но и когда речь ведется в рамках корректно инклюзивного множественного академического «мы», территориальная напряженность готова проявиться в любой момент.

Позволю себе привести характерный обмен мнениями, последовавший за моим докладом по поэтике в байройтском

Институте иностранных языков, где немецкие друзья устроили мне, неимущему эмигранту (в первый мой европейский семестр, осенью 1979 г.), лекцию.

¹⁶ Ср., впрочем, Успенский: 23 — 27.

¹⁷ Зошенко: 301 — 302, 393.

Лекция изобиловала структурно-семиотической терминологией, и когда дело дошло до вопросов, мистер Филипс [тамошний преподаватель английского], с изысканными до манерности интонациями оксфордского «дона», спросил:

— Do we really need a metalanguage? («Действительно ли **нам** нужен метаязык?»).

Устав от сомнений в пользу науки еще в России, я обратил на мистера Филипса накопившийся запас иронии, причем постарался облечь ее в «британские» тона.

— Это зависит от того, кто «**мы**». Если «**мы**» — рядовые читатели, то метаязык **нам** ни к чему. Если «**мы**» — специалисты в области литературы (критики, литературоведы, преподаватели), он может быть полезен, хотя «**мы**» этого, как правило, не подозреваем. Если же «**мы**» — теоретики литературы, метаязык совершенно необходим¹⁸.

Стратегия моей отповеди противнику метаязыка состояла в переводе разговора на, вот именно, мета-уровень, результатом чего было постепенное, но неуклонное выдавливание собеседника из состава «**мы**», в его устах полемичного, но безусловно инклюзивного, а в моих — де-факто, хотя и не де-юре — безжалостно эксклюзивного.

К академическому «**мы**» близко еще более размытое, почти безличное общечеловеческое «**мы**» (которому во французском соответствует *on*, а в немецком *man*), фигурирующее в таких общеобразовательных — а потому и общеинклюзивных — утверждениях, как:

В радуге мы различаем семь цветов; Из геометрии мы знаем, что сумма углов треугольника равна...; Что же мы имеем в результате?

На противоречии между этим безразмерным «**мы**» и «**мы**», контекстуально вполне конкретным и территориально ограниченным, строятся такие комические конфликты, как в следующей записи Ильи Ильфа:

Докладчик: «На сегодняшнее число **мы имеем** в Германии фашизм». Голос с места: «Да это **не мы имеем** фашизм! Это **они имеют** фашизм! **Мы имеем** на сегодняшнее число советскую власть»¹⁹.

Но не исключено и бесконфликтное соседство и даже слияние двух подобных «**мы**». Ср. у Пастернака в «Волнах»:

Мы были в Грузии. **Пмножим**
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам **возьмем** подножем,
И **мы получим** этот край²⁰.

Первое *мы* достаточно конкретно: оно состоит из лирического «я» и его спутников, одного или более. Если читать стихотворение как воспоминания, обращенные только к бывшим спутникам, это *мы* будет звучать инклюзивно (как **помните, как мы с вами...*); если же воспринимать опубликованные стихи как в общем случае обращенные ко множеству потенциальных читателей, то же самое *мы* окажется эксклюзивным. Но в любом случае следующее *мы* и связанные с ним глагольные формы 1-го л. мн. ч. относятся уже ко всей читающей публике и, шире, ко всему мыслящему человечеству, являя типичный случай общеобразовательного (в духе школьного урока математики: *пмножим..., возьмем..., и получим...*) и потому инклюзивного «**мы**». Причем перетекание одного «**мы**» в другое проходит практически незаметно.

¹⁸ См. виньетку «Мы» (Жолковский 2003: 415).

¹⁹ Ильф: 196.

²⁰ Пастернак, 2: 56.

10. До сих пор речь шла о непропорциональном перевесе «я» в составе «мы». Другой характерный вариант неравномерности участия «я» и «кого-то еще» в субъектности «мы» строится, напротив, на незначительности, если не сугубой формальности вклада «я» по сравнению с решающей ролью некоего «институционального мы в целом» (учреждения/коллектива/государства), с которым «я» себя грамматически отождествляет. Ср.

В 1904 году войну с Японией **мы** проиграли, но сорок лет спустя взяли реванш; Ну, в том чемпионате **мы** разгромили и американцев, и канадцев; «**Мы** отстали от передовых стран на 50-100 лет. **Мы** должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо **мы** сделаем это, либо **нас** сомнут»²¹.

Это институциональное «мы» может употребляться как инклюзивно — при обращении к «своим», так и эксклюзивно — в разговоре с «чужими»²². Но в любом случае имеет место преимущественно символическое самоотождествление говорящего с «мы», фактическая же принадлежность «я» к этому «мы» не обязательна — как, например, в случае с «нашей» спортивной командой²³.

Разумеется, и тут есть простор для территориальных игр. Приведу еще один эпизод из собственного опыта:

Преподавая в 1987 году в Констанце, на юге Германии, я... жил в загородном доме отсутствовавшей коллеги и ездил в университет на ее машине. В первый же день я пришел в ужас от настырности немецких водителей. Этими впечатлениями я поделился с коллегами по кафедре.

— Наверно, — сказал я... — я чего-то недопонимаю? Может, статистика катастроф не такая плохая?

— Статистика ужасная, — раздался хор голосов.

— Тогда в чем же дело? Или у **вас** агрессия в крови, и **вам** кажется, что **вы** на танке? Так все равно войну-то выиграла **мы!**

— **Вы?** А кто «**вы**»?

Вопрос был поставлен грамотно. Все-таки передо **мною** сидели не какие-то вообще «фрицы», а слависты, филологи, семиотики. **Я** нашелся:

— Кто «**мы**»? **Мы** — русские, **мы** — американцы и **мы** — евреи!

<...**Мой**> ответ был подготовлен давним осознанием того, что из России **я** уехал по еврейской линии, в Америке воспринимаюсь как русский, а в Европе схожу за американца²⁴.

С точки зрения рассматриваемой здесь проблематики, мой риторический маневр состоял в нахальном овеществлении своей сугубо символической при-

²¹ Сталин: 39.

²² Так, институциональное «мы», вырастающее за лирическим «я» в знаменитом ахматовском «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922; Ахматова, 1:389), подчеркнуто эксклюзивно — противопоставлено не только «им», но и «тебе»-адресату:

Не с теми я, кто бросил землю... Им песен я своих не дам. <...> Темна твоя дорога, странник, Полюнью пахнет хлеб чужой... Остаток юности губя, Мы ни единого удара Не отклонили от себя. <...> Но в мире нет людей бесслезней, Надменнее и проще нас.

²³ Ср. свидетельство иностранцев об удивившем их восприятии московского метрополитена жителями другого региона СССР:

Одна англичанка рассказывала мне [дело происходит в 1937 г. — А. Ж.], что в Тифлисе какой-то крестьянин спросил ее, видела ли она «наше» метро. Она ответила; метро, как ей кажется, есть только в Москве. «Ну да, — кивнул крестьянин, — я говорю: наше московское метро» (О'Махоуни: 136).

²⁴ Виньетка «Мы» (Жолковский 2003: 412 — 413).

частности к судьбам сразу трех великих наций. Действительно, я лично не пострадал от Холокоста, не воевал на фронтах Второй мировой и к победе над нацизмом имел лишь самое отдаленное отношение.

Совмещение в одном тексте коллективного «мы» с «мы» институциональным, да к тому же еще и с безосновательным выпячиванием символического «я», доведено до комизма в песне Визбора «Рассказ технолога Петухова о встрече с делегатом форума» (1964)²⁵:

Сiju я как-то, братцы, с африканцем
 <...>
 Потом **мы с ним** ударили по триста
 <...>
 Зато, говорю, **мы делаем** ракеты
И перекрыли Енисей,
 А также в области балета,
Мы впереди, говорю, планеты всей
 <...>
Он говорит: вообще **ты** кто таков?
Я, говорю, **наследник африканский**.
Я, говорю, технолог Петухов.
 Вот **я**, говорю, и **делаю** ракеты,
Перекрываю Енисей,
 А также в области балета,
Я впереди, говорю, планеты всей.
Я впереди, говорю, планеты всей!

Заметим, что первое *мы* четко прописано как коллективное и эксклюзивное, включающее собеседника-африканца (*мы с ним*), но не слушателей песни (*братцев*), а второе (*мы делаем, мы перекрыли, мы впереди*) — как институциональное советское, исключающее африканца, но включающее *братцев*. Их подразумеваемая принадлежность к институциональному советскому «мы» оттеняет комическую узурпацию лирическим «я» роли этого второго *мы* (*я делаю ракеты* — как бы даже не «мы пахали», а «я пахал»)²⁶.

Силовая диспропорция между институциональным «мы» и его рядовым членом «я» может быть и не столь масштабной.

Так, чем скромнее численность «мы», тем значительнее, при определенных прочих условиях, роль «я». Например, надпись *У нас не курят* на стене небольшого служебного помещения (а тем более соответствующее устное замечание одного из тамошних сотрудников) погранично между массовым институциональным «мы», обезличивающим своих членов, и простым коллективным «мы», объединяющим группу более или менее равно-активных индивидуальных «я»²⁷.

Впрочем, и в случае мощного институционального «мы» роль «я» может оставаться полноценной и даже ведущей, по-своему нейтрализуя различие между институциональностью и простой коллективностью. Ср.:

.....И думал он:
 Отсель грозить **мы** будем шведу,
 Здесь будет город заложен
 На зло надменному соседу.

²⁵ <<https://www.culture.ru/poems/47691/rasskaz-tekhnologa-petukhova>>.

²⁶ В том же направлении ненавязчиво действует и династическая ипостась африканца, имеющего гораздо большее право представлять свою страну, нежели технолог Петухов — свою.

²⁷ Именно на этом построен анекдот о голодном Зайчике, где формула: *У нас кто не работает, тот не ест*, с инклюзивным институциональным *нас*, подменена эксклюзивной «своейской»: *Кто у нас не работает...*

Природой здесь **нам** суждено
 В Европу прорубить окно,
 Ногою твердой стать при море.
 Сюда по новым **им** волнам
 Все флаги в гости будут к **нам**,
 И **запируем** на просторе²⁸.

Может показаться, что пушкинский Петр употребляет здесь чуть ли не королевское «мы», но последняя форма 1 л. мн. ч., *запируем*, уже совершенно недвусмысленно предполагает и каких-то других участников помимо самого монарха. И это действительно множественное *мы* может пониматься не только как обычное коллективное (= «я» и другие русские), но и как институциональное (= государство Российское), в составе которого говорящему принадлежит не чисто символическая, а главная роль²⁹.

11. Характерный случай манипулирования составом «мы» — типовое обращение авторитетного старшего (родителя, врача, учителя, няньки) к зависимо-му младшему (ребенку, пациенту), так наз. *bedside «we»*: *Ну, как мы себя сегодня чувствуем? Что у нас болит? Как наша головка?* и т. п. Здесь инклюзивное «мы» складывается из реального «ты/вы» и чисто риторического «я», которое присоединяется к «ты» в порядке покровительственного — то есть одновременно дружеского и контролирующего — соучастия.

На эффектном заострении такой ложной партиципации и ее властной подоплеки построена знаменитая сцена из пародийно ковбойского фильма Мела Брукса «Сверкающие седла» (1974): пьяница-бандит Джим (актер Джин Уайлдер) просыпается связанным и висящим вниз головой за решеткой, и с ним в режиме покровительственного «мы» заговаривает задержавший его накануне чернокожий (!) шериф Барт (актер Кливон Литтл):

Барт (*заслышав шум в камере*). Видимо, пьяница в камере № 2 проснулся (*подходит к решетке*). **Мы не спим?** (*Are we awake?*).

Джим. **Мы не уверены. А мы... черные?** (*We're not sure. Are we... black?*).

Барт. Да [, **мы черные**] (*Yes, we are*).

Джим. Тогда **мы не спим...** но **мы очень удивлены.** (*Then we're awake... but we're very puzzled*)³⁰.

Уже первое инклюзивно-покровительственное «мы» остраивается/подрывается тем, что во властной роли выступает негр, то есть лицо исторически заведомо бесправное. Сначала его белый собеседник надеется осмыслить (= натурализовать) эту невероятную — по сути, карнавальную (особенно ввиду его собственной перевернутости) — ситуацию, допустив, что она ему снится. Но затем пробует удостовериться, что она имеет-таки место в действительности. Результатом становится реплика, в которой одно за другим следуют два формально одинаковых, но конкретно разных ложно-инклюзивных «мы»:

— первое (*Мы не уверены*) зеркально копирует *мы* из вопроса шерифа («мы» = реально пьяница Джим + риторически подключенный к нему

²⁸ Пушкин: 274.

²⁹ Естественно возникающий вопрос о природе «мы», вынесенного в заглавие замятинского романа, в настоящих заметках не рассматривается; о нем, в частности о том, что повествование в «Мы» ведется от имени «я», а между собой герои общаются на «вы», см.: Жолковский 2010: 181 — 184. Там же (179 — 181) см. о «Воззвании Председателей Земного Шара» Хлебникова (1920), написанном от имени футуристическо-коммунистического «мы» — подчеркнуто эксклюзивного.

³⁰ <<https://www.imdb.com/title/tt0071230/quotes/qt0371733>>.

шериф Барт), которое тем самым превращается чуть ли не в королевское «мы» пьяницы³¹;

— второе (*А мы черные?*) выворачивает предыдущее *мы* наизнанку (теперь «мы» = реально шериф Барт + риторически Джим).

В следующей реплике (*Да [, мы черные]*) Барт принимает такое осмысление «мы», и тогда Джим ответно соглашается на то же применительно к себе. С этого взаимного, хотя и парадоксального согласия начнется дружба двух персонажей, первым толчком к которой послужило, как водится в авантюрных сюжетах, «знакомство через ссору».

12. Напряженной силовой динамикой вокруг «мы» пронизан еще один тюремный эпизод — из «В круге первом» Солженицына, повествующий о столкновении министра госбезопасности Абакумова с зеком Бобыниным, который нужен ему для важного поручения на шарашке. Их полярное социальное неравенство становится отправной точкой карнавального обращения ситуации:

В... синем комбинезоне... крупный... вошел Бобынин. Он проявил столько интереса к обстановке кабинета, как если бы здесь бывал по сту раз на дню... и сел, не поздоровавшись... в одно из удобных кресел неподалеку от стола министра. <...>

Абакумов... полагая, что тот не разбирается в погонах... спросил почти миролюбиво:

— А почему **вы** без разрешения садитесь? <...>

— А, видите, есть такая китайская поговорка: стоять — лучше, чем ходить, сидеть — лучше, чем стоять, а еще лучше — лежать.

— Но **вы** представляете — кем **я** могу быть?

Удобно облокотясь... Бобынин осмотрел Абакумова и высказал ленивое предположение:

— Ну — кем? Ну, кто-нибудь вроде маршала Геринга?

— Вроде кого???

— Маршала Геринга. Он однажды посетил авиазавод близ Галле, где мне пришлось в конструкторском бюро работать. Так тамошние генералы на цыпочках ходили, а я даже к нему не повернулся. Он посмотрел-посмотрел и в другую комнату пошел³².

На стороне Абакумова — общая советская и тем более крутая лагерная иерархия. Ей-то внутренне свободный заключенный³³ и бросает дерзкий вызов — как своим непринужденным поведением, так и кошунственным сравнением советского министра с одним из главарей нацистского рейха. Кульминационный эффект опять создается двусмысленностью местоимения *нами*, возникающей при подхвате этого слова одним персонажем из реплики другого:

<...Абакумов> мигнул от напряжения и спросил:

— Так **вы** что? Не видите **между нами** разницы?

— **Между вами? Или между нами?** <...> **Между нами** отлично вижу: **я вам** нужен, а **вы мне** — нет!

³¹ Ср. аналогичное применение покровительственного «мы» к себе самому в стихотворении Лосева под программным заглавием «Местоимения»: *Вот мы лежим. Нам плохо. Мы больной* (подробнее см.: Жолковский 2010: 185 — 196).

³² Здесь и далее цитирую по Солженицын: 82 — 84.

³³ Экзистенциальный секрет этой своей свободы он раскроет позже:

Вообще, поймите... что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не всё. Но человек, у которого вы отобрали всё, — уже не подвластен вам, он снова свободен.

Абакумов, шокированный приравнением его к Герингу, конечно, имеет в виду употребить местоимение 1 л. мн. ч. эксклюзивно (*между нами* = «между мной и Герингом [, а не мной и Вами, Бобыниным]») и с опорой на естественную, как ему кажется, неверность сваливания его в одну кучу с Герингом.

Бобынин начинает свой ответ с переспроса, проясняющего и тем самым вроде бы принимающего такое осмысление: он грамматически правильно — и тем более издевательски корректно — трансформирует *нами* в *вами*, эксплицитно включающее собеседника (Абакумова) и Геринга в качестве «кого-то еще», но исключающее его самого (Бобынина). Но на таком понимании *нами* он не останавливается, как бы не удастая его внимания и таким образом без разговоров отбрасывая желанное собеседнику отрицание его, Абакумова, общности с Герингом.

Вместо того чтобы разбираться с этим, Бобынин повторяет переспрос, на этот раз выявляя в абакумовском *нами* другой возможный смысл, который в его устах законно трансформируется в как бы буквально более точное *нами*. Такое понимание не только возможно в принципе, но и хорошо подготовлено предшествующей недовольной реакцией Абакумова на вызывающе независимое поведение зека, который позволяет себе держаться на равных с ним, высокопоставленным начальником. Однако еще возмутительнее с точки зрения Абакумова, разумеется, постановка его, коммуниста, на одну доску с нацистом, что и выражается в эксклюзивном, но подлежащем отрицанию употреблении им местоимения *нами*. И уже в том, что Бобынин избирает для комментирования не более, а менее очевидную, хотя и допустимую, интерпретацию местоимения *нами*, проявляется его воля к карнавальному доминированию над «царем горы». Довершает этот прагматический ход Бобынина то, что далее он говорит прямым текстом, отрицая — в рамках избранного им для ответа инклюзивного *нами* — общность с министром (разница между ними есть, и она не в пользу министра). Успех этого отрицания инклюзивности контрастирует с провалом отрицания (общности с Герингом), предпринятого ранее Абакумовым.

13. Последним рассмотрю одно из стихотворений пастернаковского сборника «Второе рождение» (1932). В тот период для поэта было характерно не настояние на границах (будь то экспансионистское или оборонительное), а, напротив, готовность к их смазыванию ради жертвенного слияния с Другим, — вскоре ставшая мемом жажда *труда со всеми сообща и заодно с правопорядком* («Столетье с лишним — не вчера...»).

Эта установка в духе стокгольмского синдрома неизбежно приходила в конфликт с вниманием к неповторимому собственному «я»:

И разве **я не мерюсь пятилеткой,**
 Не падаю, не поднимаюсь с ней?
 Но как мне быть с **моей грудною клеткой**
 И с тем, что всякой косности косней?

Борису Пильняку (1931)³⁴

Так что территориальность никуда не девалась, и на долю читателя выпадало следить за лавированием лирического «я» по очень пересеченной местности.

Обратимся к стихотворению «Когда я устаю от пустозвонства...»:

Когда **я** устаю от пустозвонства
 Во все века вертевшихся **льстецов,**
Мне хочется, как сон при свете солнца,
 Припомнить **жизнь и ей** взглянуть в **лицо.**

³⁴ Пастернак, 1: 212.

Незванная, **она** внесла, во-первых,
 Во все, что случилось, вкус **больших начал**.
Я их не выбирал, и суть не в нервах,
 Что **я** не жаждал, а предвосхищал.

И вот **года строительного плана**,
 И вновь зима, и вот четвертый год
Две женщины, как отблеск ламп «Светлана»,
 Горят и светят средь его тягот.

Мы в будущем, твержу **я им**, как **все, кто**
 Жил в эти дни. А если **из калек**,
 То все равно: телегой **проекта**
Нас переехал **новый человек**.

Когда ж от смерти не спасет таблетка,
 То тем свободней **время** поспешит
 В ту даль, куда **вторая пятилетка**
Протягивает тезисы души.

Тогда **не убивайтесь, не тужите**,
 Всей **слабостью** клянусь **остаться в вас**.
 А **сильными** обещано изжитье
Последних язв, одолевавших **нас**³⁵.

Попробуем составить список действующих лиц этого сценария. В первом приближении (с предположительными наиболее очевидными отождествлениями акторов) получаем:

я (мне);
льстецы;
жизнь (ей, лицо, она);
большие начала (их);
строительный план (= проект?);
две женщины (им, вас);
будущее (= время = даль?);
мы;
калеки (= моя слабость = наши последние язвы);
все;
новый человек (= сильные);
вторая пятилетка;
душа.

Дальнейшее сокращение числа сущностей натывается на неустрашимые двусмысленности. Кому/чему льстят нынешние пустозвоны? Тяготам строительного плана (= телеге проекта)? Новому человеку? Как соотносятся большие начала жизни с телегой проекта, а та — с тезисами души? И чьей души? Понятно, что не души вековых льстецов, но чьей же? Пятилетки? Моей? Нашей? Нового человека — любителя тезисов? Души всех, кто жил в эти дни? Чего ждать калекам — оздоравливающего изжития их язв или гибели под незваной телегой проекта?

Двусмысленностью окутано и движение времени — центральная тема стихотворения.

С одной стороны, все вроде бы хронологично: позади *века*, припоминается прошедшая *жизнь*, идут годы *пятилетки*, *тезисы души* тянутся во вре-

³⁵ Пастернак, 2: 80 — 81.

менную *даль*, в *будущем* ожидается всеобщее исцеление. С другой стороны, непонятно, в *будущем* ли мы или все еще в настоящем, в котором *горят и светят* (в наст. вр.) *две женщины*. А может, и вообще в прошлом — *этих днях*, в которых *жили* (в прош. вр.) некие *все*?

И непонятно, где при этом те *мы*, которые *из калек*: вообще не в *будущем* или все-таки в нем, но раздавленные *телегою проекта*? Да и сам *я*, как подсказывает амбивалентное *твержу*, видимо, не уверен в том, что говорит.

Непонятно также, к чему относится сравнительный оборот, начинающийся с *как все*: к *Мы в будущем...* или к *твержу я*? Но от этого зависит смысл: *мы* вместе со *всеми* уже находимся в будущем? или *я* всего лишь *твержу* вместе со *всеми*, что *мы* будто бы в *будущем*?

Аналогичным образом, неясно, чему подчинен оборот *всей слабостью* в заключительной строфе:

— сказуемому *клянусь* — в качестве антонимической замены привычного оборота *всеми силами*, замены, продиктованной фатальным несходством «я» с *сильными*?

— или инфинитиву *остаться* — с парадоксальным настоянием *я* на передаче своих *слабостей* тем, кто переживет его и войдет в самое далекое будущее?

Ведь то *будущее*, о котором *я твержу* как об уже наступившем, — еще не полное и окончательное, еще не та *даль*, куда *время поспешит* после *смерти «я»* — в ходе *второй пятилетки*, которая последует за *годами строительного плана* (= первой пятилетки). Но тогда непонятно, почему наши *язвы «я»* объявляет *одолевавшими нас* в прош. вр., хотя вероятную принадлежность к *калекам* описывает в наст. вр., а потребность в *таблетке* — даже в буд. вр. (*не спасет*).

А как в стихотворении обстоит дело с *мы*? Начать с того, что, в отличие от *я*, *мы* появляется только во второй половине текста — в обращении к *двум женщинам*³⁶, которые вне его упоминаются в объективном 3-м л. мн. ч. (*горят и светят; твержу я им*). Это «мы» явно инклюзивное, включающее как минимум «я» и двух женщин-адресаток, а также, вероятно, и некоторый более широкий круг «своих». Более того, осторожно, как бы ненароком и с многочисленными оговорками (см. выше), к этому «мы» подключаются и *все*, *кто жил в эти дни*, то есть, по сути, все население страны, тяготеющее к «мы» институциональному.

Местоимение *нас* остается эксклюзивным, включающим только своих, и в последней строфе. Но его итоговое положение в самом конце текста и характеристика обозначаемых им лиц как в будущем свободных от *язв* прошлого опять-таки свидетельствуют в пользу желанности его расширенного, как бы условно инклюзивного, общенародного, институционального понимания.

Отношение Пастернака к институциональному советскому «мы» было двойственным.

В «Высокой болезни» (1923 — 1928) лирическое «я» подчеркнуто отстранялось от такого вынужденно употребляемого «мы»:

Уж я не помню основания
Для гладкого голосованья.
<...>
В зияющей японской брешы
Сумела различить депеша...
Класс спрутов и рабочий класс.
<...>
Но было много дел тупей
Классификации Помпей.
Я долго помнил назубок

³⁶ Посвященный читатель понимает, что речь идет об оставляемой первой жене, Евгении Владимировне, и меняющей ее второй, Зинаиде Николаевне.

Кошунственную телеграмму:
Мы посылали жертвам драмы
 В смягченые треска Фузиямы
 Агитпрофсожеский лубок³⁷.

Но в «Весеннюю порою льда...» (1932) — в почти до косноязычия идейной последней строфе этого стихотворения и тем самым всего сборника «Второе рождение» — «я» находит-таки основание для полного слияния с институциональным «мы»:

И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
 И след поэта — только след
 Ее путей, не боле,
 И так как **я** лишь ей задет
 И ей **у нас** раздолье,
То весь я рад сойти на нет
В революционной воле³⁸.

Остроумным совмещением обеих установок станет оксюморон, отеканенный поздним Пастернаком, правда, не в стихах, а в порядке устного table-talk'a:

Как-то Борис Леонидович рассмешил Анну Андреевну и всех нас такой фразой: «**Я** знаю, **я** — **нам** не нужен»³⁹.

Поэту пришлось-таки осознать свою фактическую невключаемость в принципиально обще-инклюзивное институциональное «мы». Как тому Зайчику.

ЛИТЕРАТУРА

Ардов Михаил. 1995. Легендарная Ордынка. М. Ардов, Б. Ардов, А. Баталов. Легендарная Ордынка. Сборник воспоминаний. СПб., «Инапресс».

Ахматова Анна. 1998. Собр. соч. В 6 томах. Т. 1, 3. М., «Эллис Лак».

Бабель Исаак. 2014. Рассказы. СПб., «Вита Нова».

Гоголь Н. В. 1978. Собр. соч. В 7 томах. Т. 5. М., «Художественная литература».

Дмитриев И. И. 1986. Сочинения. М., «Правда».

Жолковский А. К. 2003. Эросипед и другие виньетки. Томск — М., «Водолей Publishers».

Жолковский А. К. 2010. Горе *мыкать*. Жолковский А. К. Осторожно, треножник! М., «Время», стр. 175 — 197.

Жолковский А. К. 2022. «Душечка»: лабиринт сцеплений. Тема, персонажи, сюжетные и метатекстуальные мотивы. — В кн.: А. П. Чехов: pro et contra. Т. 4. Современные аспекты исследования (2000 — 2020), антология. Сост. И. Н. Сухих. СПб., РХГА, стр. 332 — 357.

³⁷ Пастернак, 1: 257 — 258. В американском английском для отмежевания говорящего от институционального «мы» есть специальный оборот: *this country*, ср.: *I never supported this country's invasion of Iraq*, чему по-русски соответствовало бы: ...нашего вторжения.

³⁸ Пастернак, 2:88.

³⁹ Ардов: 58. Кстати, Ахматова отчасти сходным образом пересмотрела свои взаимоотношения с институциональным «мы» уже в «Реквиеме» (1940):

А если когда-нибудь в этой стране Воздвигнут задумают памятник мне... (Ахматова, 3:29; ср. Примеч. 37).

- Зощенко Михаил. 2008. Голубая книга. М., «Время».
- Ильф И. И. 1957. Записные книжки. М., «Советский писатель».
- Мельниченко Миша. 2014. Советский анекдот. Указатель сюжетов. М., «Новое литературное обозрение».
- О'Махоуни Майк. 2010. Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. М., «Новое литературное обозрение». стр. 136.
- Пастернак Борис. 2003, 2004. Полн. собр. соч. В 11 томах. Т. 1, 2. М., «Слово/Slovo».
- Пушкин А. С. 1977. Полн. собр. соч. В 10 томах. Т. 4. Л., «Наука».
- Солженицын А. И. 2006. В круге первом. М., «Наука» («Литературные памятники»).
- Сталин И. В. 1951. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. — Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., Госполитиздат, стр. 29 — 42.
- Толстой Л. Н. 1951. Собр. соч. В 14 томах. Т. 3. М., «Художественная литература».
- Успенский Б. А. 2012. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство. М., РГГУ.
- Якобсон Роман. 1983. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — В кн.: Семиотика. Сост. Ю. С. Степанов. М., «Радуга», стр. 462 — 482.

